

Обзоры

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-115-118

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЛИЯНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. М. БУСЫГИНОЙ «RUSSIA-EU RELATIONS AND THE COMMON NEIGHBORHOOD: COERCION VS AUTHORITY»)

Михаил Филиппов
Binghamton University, USA

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу И.М. Бусыгиной «Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority Abingdon», где автор развивает концепцию «мягкой силы», предложенную Дж.Наем. Автор рецензируемой монографии пытается продемонстрировать применение данной концепции на примере взаимоотношений Европейского союза и России. Эмпирический анализ в монографии строится на двух ключевых предпосылках: предполагается, что в существующем миропорядке ЕС выступает, прежде всего, за стабильность международной иерархии, тогда как Россия пытается поднять свой статус и влияние (особенно на постсоветском пространстве). Кроме того, две стороны (ЕС и Россия) полагаются главным образом на разные инструменты силы в международных отношениях. ЕС опирается, главным образом, на силу координации совместных действий; Россия же полагается, прежде всего, на двухсторонние связи, используя «принуждение» на практике, сочетая методы «кнута и пряника», пытаясь принудить своих соседей действовать в российских интересах. Автор рецензируемой монографии на основе теоретического анализа инструментов международной силы предсказывает, что механизмы «влияния» ЕС окажутся более эффективной «силой», чем механизмы принуждения России.

Ключевые слова: концепция «мягкой силы»; Европейский союз; Россия; внешняя политика; влияние; международные отношения.

Теоретическую основу рецензируемого исследования составляет развитие популярной концепции «мягкой силы» в международных отношениях. При наличии «мягкой силы», как утверждал основатель этой концепции Джозеф Най, «государство может достигать предпочтительных для него результатов в мировой политике потому, что другие государства хотят следовать за ним»¹. Дэвид Лэйк (David Lake), фокусируясь на конкретных механизмах обеспечения результатов, предпочтительных для великих держав, подчеркивает роль институтов «влияния» (authority, также переводится как «авторитет» или «лидерство») великих держав, противопоставляя их «принуждению» (coercion)². В частности, Лэйк объясняет, как институты (правила) «влияния» создают ситуацию, при которой множество государств совместно соглашаются на ограничение суверенитета, получая взамен коллективные гарантии предсказуемости и порядка.

Лэйк утверждает, что в современных условиях влияние великих держав обеспечивается, прежде всего, коллективным выбором стран, признающих особую роль мировых и региональных лидеров. Принципиально важно учитывать то, что международное влияние – это результат многосторонних отношений множества стран, в котором выбор каждой отдельной страны признать ту или

¹ “A state may achieve the outcomes it prefers in world politics because other states want to follow” Nye J.S. *Soft Power*// *Foreign Policy*. 1990. Autumn, N80. P.166. Available at: URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/joseph_nye_soft_power_journal.pdf.

² Lake, David A. "Authority, Coercion, and Power in International Relations." In Finnemore, Martha, and Judith Goldstein, eds. *Back to basics: State power in a contemporary world*. Oxford University Press, 2013. P. 55.

иную страну лидером определяется тем, что делают все остальные страны. Другими словами, это результат координации всех вокруг одной из нескольких возможных альтернатив «влияния», в том числе одной «мягкой силы» из нескольких возможных. При этом многочисленные «невеликие» державы играют ключевую роль в поддержке международного институционального статус-кво и наказании тех, кто не следует общепринятым правилам или пытается их изменить в одностороннем порядке. Можно сказать, что международного лидера делает его «свита» - те, кто готовы следовать за ним, не признавая реальными альтернативами других претендентов, или, как образно выразился Джозеф Най, «мягкая сила — это танец, для которого нужны партнеры»¹. «Мягкая сила» авторитета (authority) великих держав умножается через координацию действий остальных стран против нарушителей статус-кво, превращаясь в более эффективный инструмент силы (power) в международных отношениях, чем традиционные формы двухстороннего принуждения (coercion). В итоге мягкая сила оказывается не такой уж мягкой, как это могло бы показаться тем, кто пытается противостоять ей, используя традиционные методы принуждения. Рецензируемая монография пытается протестировать такого рода теоретическую аргументацию на примере взаимоотношений ЕС и России.

Эмпирический анализ в монографии строится на двух ключевых предпосылках. Во-первых, предполагается, что в существующем миропорядке ЕС выступает, прежде всего, за стабильность международной иерархии, тогда как Россия пытается поднять свой статус и влияние, особенно в постсоветском пространстве. Во-вторых, две стороны (ЕС и Россия) полагаются главным образом на разные инструменты силы (power) в международных отношениях. Используя «влияние» (authority), ЕС опирается, главным образом, на силу координации совместных действий – как стран, входящих в Союз, так и его соседей. Россия же полагается, прежде всего, на двухсторонние связи, используя «принуждение» (coercion) на практике, сочетая методы «кнута и пряника», пытаясь принудить своих соседей действовать в российских интересах.

Теоретический анализ инструментов международной силы предсказывает, что механизмы «влияния» ЕС окажутся более эффективной «силой», чем механизмы принуждения России. Напомним, что под «силой» в международных отношениях понимается способность изменить поведение государства в желаемом направлении, а также установить различные формы зависимости одного политического субъекта от другого. В случае ЕС и России теоретически следует ожидать, что ЕС будет более успешно контролировать поведение своих стран и соседей, чем Россия. В целом, именно это и подтверждает рецензируемая монография, анализируя практику отношений ЕС и России.

ЕС обладает более эффективной силой в международных отношениях, потому что механизмы влияния ЕС, по существу, являются механизмами коллективного принуждения, в то время как Россия действует односторонне, в геополитическом одиночестве. При этом, многие страны и их лидеры могут высказывать (на уровне риторики) недовольство как ЕС в целом, так и действиями ведущих западных держав (США, Германии, Франции). Но, даже будучи весьма недовольными существующим статус-кво, эти лидеры не готовы противопоставить себя позиции ЕС, поддерживаемой подавляющим большинством как стран Евросоюза, так и его соседей. Тем более, если такая совместная позиция также отвечает интересам США. В основе подчинения лежит не столько страх принуждения, сколько понимание того, что «неидеальный порядок все же лучше, чем хаос». В результате, как подчеркивает Ирина Бусыгина, мы наблюдаем парадокс – многие лидеры стран Евросоюза регулярно демонстрируют симпатии к России и свои дружеские отношения с Путиным, но при этом последовательно поддерживают западные санкции против России. В этой логике санкции вводятся и поддерживаются главным образом за то, что в 2014 г. Россия позволила себе открыто выступать против установленных правил игры.

Из теоретического анализа «влияния» следует также, что страна, пытающаяся изменить существующий миропорядок – т.е. международные правила игры – должна, прежде всего, заручиться поддержкой множества других стран, получить их признание в качестве реального нового лидера мирового сообщества. Без такого признания, нарушитель статус-кво будет подвергнут всеобщему осуждению, рискуя получить статус «изгоя». Из аргументации рецензируемой монографии можно сделать вывод о том, что после 2014 г. Россия предсказуемо оказалась в международном одиночестве и ожидаемо не получила поддержки даже со стороны ближайших сильно зависимых от нее экономически и политически соседей, прежде всего, Белоруссии и Казахстана. Более того, Ирина Бусыгина убедительно

¹ “Soft power is a dance that requires partners” (Nye 2011, p. 84). Nye, Joseph S. The future of power. New York: Public Affairs, 2011; Най Дж. С. Будущее власти. С. 153. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / Джозеф С. Най; [пер. с англ. В. Н. Верченко]. Москва: АСТ, печ. 2013. 444 с.

тельно показывает, что после 2014 г. ближайшие соседи России, напротив, отделились от России, пытаются сократить свою экономическую, политическую и культурную зависимость.

С моей точки зрения, еще один интересный и значимый для практики вывод можно сделать из того факта, что механизм коллективного «влияния» требует обязательно эффективного и, быть может, даже демонстративно-солидарного «наказания» для нарушителей конвенции. Однако пока такое солидарное наказание невозможно, возникают стимулы до поры до времени не замечать нарушений правил игры. Более того, возникают стимулы публичного поиска таких объяснений действиям нарушителя, что укладывают их в рамки существующих правил. В свою очередь, у руководителей страны, нарушающей правила игры, могут возникнуть ложные ожидания, что серьезной реакции на дальнейшие действия по нарушению или изменению общепризнанных правил и не последует. Однако, как только мировое и региональное сообщество становится готово коллективно устроить «показательную выволочку» нарушителю, ситуация кардинально меняется. После этого почти любое действие страны-нарушителя конвенции трактуется с подозрениями против нее. В рецензируемой монографии сходная логика описывает различия между реакцией ЕС на войну России с Грузией в 2008 г. и роль России в украинском кризисе после 2014 г.

В целом, из теории использования силы «влияния» как противоположности «принуждения», подтвержденного анализом практики отношений ЕС и России в монографии, следует весьма спорный вывод о том, что односторонние действия России в Европе и на постсоветском пространстве в лучшем случае неэффективны, а, скорее всего, контрпродуктивны. В частности, попытки принуждения каждой из стран следовать за Россией существенно ослабляют влияние России на все остальные страны постсоветского пространства и только еще больше стимулируют их поддерживать статус-кво в мировой политике (т.е. признавать доминирование США и ЕС в Европе и мире). Такой пессимистичный вывод является логичным, но неизбежно спорным, поскольку мы не можем исключить того, что в Кремле обладают какой-то дополнительной, неизвестной нам информацией или же действуют в соответствии с каким-то особым планом, опять же нам неизвестным.

Вместо того, что признать возможность нашего недостаточного понимания стратегических планов Кремля, автор объясняет кажущуюся нерациональность односторонних действий России внутриполитической мотивацией президента Путина. В частности, Ирина Бусыгина пытается связать характер внешней политики России с особенностями процесса ее государственного строительства и внутриполитической конкуренции в последние десятилетия. В этой связи, к главному недостатку книги я бы отнес чрезмерное, на мой взгляд, использование по сути спекулятивных утверждений о том, чего хочет достичь президент Путин, как он видит мир, будущее России и место России в мире. Завершая монографию, Ирина Бусыгина предполагает, что дальнейшие попытки России использовать стратегию принуждения (кнута и пряника) в адрес соседей, скорее всего, будут приводить к полезным краткосрочным результатам, но за счет долгосрочных издержек и потерь, прежде всего, для репутации страны. Это будут негативные сигналы на долгие годы для внешнего мира, в особенности, для потенциальных экономических партнеров и инвесторов.

В целом же, автору удалось интересным образом применить и протестировать популярную теоретическую концепцию к анализу внешней политики России. Специалисты и исследователи найдут в монографии И. Бусыгиной теоретически обоснованное и цельное объяснение эволюции взаимодействий России и ЕС, а более широкий круг читателей получит шанс избавиться от упрощенных представлений о возможной роли России в мире.

Библиографический список

Busygina, I. M. (2017) *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority*. Abingdon, UK: Routledge, 250 p.

Информация об авторе

Филиппов Михаил - Associate Professor of Political Science, Binghamton University, USA. E-mail: mikhail.filippov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8551-6724. ResearcherID: G-4912-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

**COMPARING THE STRATEGIES OF INFLUENCE AND COERCION IN THE EXAMPLE OF
RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION (BOOK REVIEW: IRINA M. BUSYGINA
'RUSSIA-EU RELATIONS AND THE COMMON NEIGHBORHOOD: COERCION VS AUTHORITY')**

M. Filippov

Binghamton University, USA

Abstract

The article presents a review of Irina M. Busygina's book *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority*, where the author develops the concept of 'soft power' proposed by Joseph S. Nye. The author of the reviewed monograph tries to demonstrate the application of this concept through the example of the relations between the European Union and Russia. The empirical analysis in the monograph is based on two key assumptions: it is assumed that in the existing world order the EU stands primarily for the stability of the international hierarchy, while Russia is trying to raise its status and influence (especially in the post-Soviet space). In addition, the two sides (the EU and Russia) rely on different instruments of force in international relations. The EU is mainly concerned with the strength of coordination of joint actions; Russia relies primarily on bilateral ties, using 'compulsion' in practice, combining the methods of 'carrot and stick', and trying to force its neighbors to act in Russia's interests. Based on the theoretical analysis of international power tools, the author of the monograph predicts that the mechanisms of 'influence' used by the EU will be more effective 'force' than Russia's mechanisms of coercion.

Keywords: concept of 'soft power'; European Union; Russia; foreign policy; influence; international relations.